

Дёмина Ирина Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Кубанский государственный университет
e-mail: demina1862@yandex.ru

Irina V. Demina

Candidate of Philosophy, associate Professor, Department of Philosophy,
Kuban State University
e-mail: demina1862@yandex.ru

**Проблема тела-автомата в позднем романтизме
(на примере Э.Т.А. Гофмана) и современные подходы
к анализу взаимодействия человека и машины**

**The problem of the automaton body in Late Romanticism
(using the example of E.T.A. Hofman) and modern approaches
on the analysis of human-machine interaction**

Аннотация. Рассматривается проблема тела-автомата, которая активно изучалась в философии романтизма, особенно – в творчестве Э.Т.А. Гофмана. Проблема актуальна, повседневные наблюдения и обобщения учёных свидетельствуют о том, что мы переживаем всеобъемлющее воздействие новейших технологий на человека. В позднем романтизме отражен перелом, произошедший в жизни тела: из индивидуального явления оно становится общественной собственностью, предметом обладания и объектом власти. Согласно Гофману губительна не машина сама по себе, а ее одухотворение, очеловечивание и, в итоге, подмена человека. Выделены направления в философии XX-XXI веков, в которых развивались идеи романтиков о телах-автоматах и в которых намечены варианты ответов, поставленных Гофманом. Во-первых, это интерпретация человека в контексте его телесных импульсов и их социального контроля. Во-вторых – это проблема технологизации человеческой психики и тела, инсталляции технического в тело. В-третьих; обсуждается преемственность взглядов Гофмана и современных проблем идентичности, механоморфной чувственности; идеи романтиков соотносятся с проблемой формирования алгоритмических идентичностей. Рассматривается гендерный аспект проблемы тела-автомата. Творчество Гофмана важно для осмысления новых технологий, границ тела и техники, различения живого и неживого.

Ключевые слова: романтизм, Э.Т.А. Гофман, тело-автомат, взаимодействие человека и машины, идентичность, духовность, проблема живого и неживого

Abstract. *The problem of the automaton body is considered, which was actively studied in the philosophy of Romanticism, especially in the works of E.T.A. Hofman. The problem is urgent, everyday observations and generalizations of scientists indicate that we are experiencing a comprehensive impact of the latest technologies on humans. In late Romanticism, the turning point in the life of the body is reflected: from an individual phenomenon, it becomes public property, an object of possession and an object of power. According to Hoffmann, it is not the machine itself that is destructive, but its spiritualization, humanization and, as a result, substitution of a person. The directions in the philosophy of the XX-XXI centuries are highlighted, in which the ideas of romantics about automaton bodies developed and in which the answers set by Hofman are outlined. First, it is the interpretation of a person in the context of his bodily impulses and their social control. Secondly, this is the problem of technologization of the human psyche and body, the installation of technical equipment into the body. Thirdly, the continuity of Hoffmann's views and modern problems of identity, mechanomorphic sensuality is discussed; the ideas of romantics correlate with the problem of the formation of algorithmic identities. The gender aspect of the problem of the automaton body is considered. Hofman's work is important for understanding new technologies, the boundaries of the body and technology, and the distinction between the living and the inanimate*

Keywords: *romanticism, E.T.A. Hofman, the automaton body, the interaction of man and machine, identity, spirituality, the problem of the living and the inanimate*

Введение. На рубеже XVIII–XIX веков в Европе разворачивается процесс глобальной смены мировоззренческой парадигмы. Внутри этого революционного процесса возникает европейский романтизм, его главные идеи – это свобода творчества, способы самовыражения и поддержания ценности личности. По мнению Н.Я. Берковского, романтизм оказал сильное влияние на такие последующие течения, как символизм, философия жизни, экзистенциализм [2]. Идеи романтизма перекликаются с идеями Л. Фейербаха о единстве духовного и телесного в человеке [13], но в традиционных историко-философских подходах к романтизму телесное начало, как правило, оставалось в тени. Между тем это очень важная составляющая романтизма, поскольку именно в ней отчётливо стала звучать тема связи телесности и автоматов, которая в настоящее время демонстрирует свою актуальность и активно дискутируется.

Обсуждение. С точки зрения современной философии, которая открыла телесность как культурный феномен, весьма продуктивно исследовать не только истоки телесного измерения в мировоззрении романтизма, но и его отложенные эффекты в современных философских подходах [10,11]. Это будет способствовать системному видению современных, быстро разрастающихся проблем взаимодействия человека и машин (алгоритмизация, стандартизация, цифровизация, роботизация в жизни современного человека). В обсуждении данных проблем одно из центральных мест занимает философско-художественное творчество Э.Т.А. Гофмана.

Гофман, исследуя человеческое сознание, видел в нём не только источник мифологем, но и более широкое явление – двойничество, включающее в себя отчуждённые и превращённые формы человеческой рациональности (автоматы, куклы, сложные технизированные игрушки, манекены). Проблема автоматов не нова в истории философии и культуры, достаточно указать на идеи Ф. Бэкона о роли нарождающейся новой техники (в ней видели нечто магическое), на представления о големе в религиозных течениях, существование и процветание в XVII-XIX веках такого стиля воспитания, как дрессура [7]. Важно то, что Гофман, Шелли и другие романтики видели в автоматах особое персонифицированное начало, которое вызывает не восторг и восхищение «умной» техникой, а переживание угрозы. В «Автоматах» Гофман через своих литературных персонажей так позиционирует себя: «Мне до глубины души противны механические фигуры, эти памятники то ли омертвевшей жизни, то ли ожившей смерти. Они ведь не воспроизводят человека, а издевательски вторят ему... Я уверен, что большинство людей разделяют со мной это чувство. При виде таких фигур всем не по себе» [5, с.188].

Чуть позже в «Песочном человеке» описывается, как главный герой влюбляется в механическую куклу Олимпию: «Ее можно было почтить красавицей, когда бы ее взор не был так безжизнен. В ее игре, в ее пении приметен неприятно правильный, бездушный такт поющей машины. Нам сделалось не по себе от присутствия этой Олимпии, и мы, право, не хотели иметь с нею дела, нам все казалось, будто она только поступает, как живое существо» [6, с. 32].

В творчестве Гофмана и других романтиков мы наблюдаем противопоставление творческого и духовного механическому и неживому. Согласно Гофману губительно одухотворение автомата, подмена им человека.

Поскольку механическое произведено человеком, то возникает целый ряд трудноразрешимых вопросов: как ужиться со своим механическим двойником? можно ли его искусственное тело, одухотворить, вдохнуть самостоятельную жизнь в телесный автомат? могут ли автоматы выходить за пределы индивидуальной жизни, распространяться и становиться частью большой социальной жизни?

Эти чрезвычайно сложные и противоречивые вопросы формируют внутреннюю напряжённость, неоднозначность романтизма, его смысловую незавершённость и открытость будущему. Мы считаем важным выделить как минимум три направления в философии XX-XXI веков, в которых развивались идеи романтиков о телах-автоматах и в которых намечены варианты ответов, поставленных Гофманом. Во-первых, это интерпретация человека в контексте его телесных импульсов и их социального контроля. Во-вторых – это проблема технологизации человеческой психики, инсталляции технического в тело. В-третьих; давние идеи романтиков можно соотнести с проблемой формирования алгоритмических идентичностей.

Что касается первого направления, то оно, с одной стороны, теснейшим образом связано с идеями З. Фрейда: знаменитая модель личности,

представленная в виде кипящего котла, и предлагающая образ прорыва неосознаваемых, темных сил в сферу сознания. С другой стороны, это утверждение роли телесного в жизни человека; но телесное зачастую выступает как враждебная темная сила, которую нужно контролировать и при необходимости лечить. Т.е. телесное выступает как некий двойник, реализующий собственную логику поведения, а общество и его социальные структуры формируют способы контроля за безопасностью перемещения тел (двойников). Если у Гофмана за тело Натанаэля борются отец Натанаэля и адвокат Коппелиус [6], то у философов XX столетия Ж. Лакана, Ж. Делез, Ж. Батай и особенно М. Фуко [12] за индивидуальное тело уже борются социальные структуры (в известном смысле общество – это наиндивидуальный адвокат Коппелиус). Таким образом проблема тела-автомата прорастает в проблему социо-механического бытия, в котором люди превращаются в роботов [9].

Во втором направлении акцент делается на способах взаимодействия человека и машин, при которых машины (механизмы), созданные людьми, инсталлируются в их тела и тем самым радикальным образом меняют жизнь тела и его носителя – человека. П. Вирильо рассматривает данную проблему в контексте своего учения о скорости и выделяет три скоростные революции: изобретение двигателя внутреннего сгорания, электрического и реактивного двигателя; революция передачи информации (радио и телевидение, электроника); революция трансплантации, в рамках которой в тело человека имплантируются различные автоматы, электронные хранилища памяти и т.п. [14].

В рамках второй революции время исчезает, любые пространственные точки становятся моментально доступными [4]. Возможно, это один из аспектов социо-механического бытия (по А.А. Зиновьеву). В рамках третьей революции автоматы становятся частью тела человека, максимально размывая границу между человеком и машиной (автоматом).

Наконец, ещё одно направление, производное от идей романтиков, связано с формированием идентичности. Мы обращаем внимание на такую её разновидность, как алгоритмическая идентичность. Её формирование связано с распространением и использованием информационно-коммуникационных технологий и формированием образа человека на основании автоматизированных алгоритмов. Согласно Д. Чейни-Липпольду системы непрерывной регистрации движения глаз, пальцев, посещаемых сайтов, длительности их просмотров создают основу для вероятностного расчёта предпочтений человека и их взаимосвязей друг с другом [15]. В отличие от других разновидностей данная идентичность отчуждена от человека, является навязываемой ему и хорошо вписывается в феномен двойничества, так сильно волновавший и порой пугавший романтиков. Для этого есть основания, поскольку алгоритмическая идентичность является атрибутом вычислительного капитализма, стремящегося подвергать все сферы жизни диктату механических правил, баз данных и алгоритмов [Аванесян, с. 30].

Есть ещё один важный аспект идентичности, связанный с алгоритмической идентичностью, следует рассматривать в контексте гендерной проблематики.

Немецкий исследователь Г. Гримм пишет: «Желание самому создать человека, как и желание летать, – это изначально свойственная человечеству мечта. Но если желание летать не зависит от пола, то желание создать человека кажется специфично мужским. Мужчины сублимируют свой органический дефицит. Женщины могут рожать, а мужчины – только в фантазиях или с помощью техники» [16]. Таким образом, вслед за М.А. Куличихиной можно сделать вывод о том, что творцы механического тела – мужчины [10]. Если развивать данный вывод, то получается, что мужчины несут ответственность за поглощение современного человека автоматами. Это спорное положение, но от него нельзя отмахнуться, особенно в условиях существования так называемого киберфеминизма.

Заключение. Итак, за прошедшие 200 лет опасения Гофмана, связанные с одухотворением машины, стиранием различий между человеком и машиной, подтверждаются. С одной стороны, машины и автоматы-помощники стали вездесущими, технологически расширяют человека. Символично, что у Гофмана Коппелиус продаёт Натанаэлю подзорную трубу, трансформирующую восприятие в заданном направлении; сейчас роль такой подзорной трубы выполняют технологически изощренные масс-медиа. С другой стороны, жизнь современного человека пронизана социальными алгоритмами, формирующими социо-механическое бытие, механоморфные страсти и мышление [3, 8, 9]. Наверное, главным условием сохранения человека является осознание границ между живым и неживым, воздержание от одухотворения машин и автоматов.

Литература

1. Аванесян А. Майамификация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука, 2001.
3. Буркхардт Г. Непонятая чувственность // Это человек: Антология. М.: Высш. шк. 1995. С. 124–155.
4. Вирильо П. Машина зрения. С-Пб.: Наука, 2004.
5. Гофман Э.Т.А. Автомат//Гофман Э.Т.А. Крейсериана. Новеллы. М.: Музыка., 1990.
6. Гофман Э.Т.А. Песочный человек//Сказки немецких писателей. Л.: Лениздат, 1989.
7. Де Моз, Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
8. Дёмина И.В., Дёмин А.Н. Алгоритмизация и скорость как источники новой социальной темпоральности // Национальное здоровье. 2021. №4. С. 204–208.
9. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006.
10. Куличихина М.А. Тело и телесность в немецком романтизме: концепции и образы. М.МГСПИ., 2012.
11. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.МИК., 2004.

12. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.:Ad Marginem, 1999.*

13. Чупров А.С. *Родовая сущность человека в философии Шопенгауэра и Фейербаха. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.*

14. Armitage J. *From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // Theory, Culture & Society. 1999. Vol.16. № (5-6).P. 25–55.*

15. Cheney-Lippold J. *We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves. N-Y: NYU Press, 2018.*

16. Grimm G. *Elektronische Hirne. Zur literarischen Genese des Androiden. Duisburg: Sommersemester, 1997.*

Literature

1. Avanesyan A. *Mayamification. M.: Ad Marginem Press, 2021.*

2. Berkovsky N.Ya. *Romanticism in Germany. St. Petersburg: ABC, 2001.*

3. Burkhardt G. *Misunderstood sensuality // This is a man: An Anthology. M.: Higher School. 1995. pp. 124-155.*

4. Virillo P. *The machine of vision. St. Petersburg: Nauka, 2004.*

5. Hofman E.T.A. *Automaton//Hoffman E.T.A. Kreisleriana. Novellas. M.: Music., 1990.*

6. Hofman E.T.A. *The Sandman//Fairy tales by German writers. L:Lenizdat, 1989.*

7. De Moz, L. *Psychohistory. Rostov-on-Don: Phoenix, 2000.*

8. Demina I.V., Demin A.N. *Algorithmization and speed as sources of new social temporality // National Health. 2021. No.4. pp. 204-208.*

9. Zinoviev A.A. *The factor of understanding. M.: Algorithm-Eksmo, 2006.*

10. Kulichikhina M.A. *Body and physicality in German Romanticism: concepts and images. M. MGSPi, 2012.*

11. Fedorov F.P. *The artistic world of German Romanticism: Structure and semantics. M. MIC, 2004.*

12. Foucault M. *To supervise and punish. The birth of a prison / Translated from the French by V. Naumov, edited by I. Borisova. M.:Ad Marginem, 1999.*

13. Chuprov A.S. *The generic essence of man in the philosophy of Schopenhauer and Feuerbach. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita, 1996.*

1. Armitage J. *From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // Theory, Culture & Society. 1999. Vol.16. № (5-6).P. 25–55.*

2. Cheney-Lippold J. *We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves. N-Y: NYU Press, 2018.*

3. Grimm G. *Elektronische Hirne. Zur literarischen Genese des Androiden. Duisburg: Sommersemester, 1997.*